

A man in a military uniform, seen from behind, stands in a narrow, debris-strewn alleyway between brick buildings. He wears a brown uniform and a large, worn backpack. The background shows multi-story buildings with many windows, some of which appear damaged or boarded up. The overall atmosphere is one of post-war devastation.

Александр Тунгулин

Проба пера

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Тунгулин

Проба пера

«Автор»

2026

Тунгулин А. С.

Проба пера / А. С. Тунгулин — «Автор», 2026

Проба пераАлександр ТунгулинЭто исповедальная автобиография человека, для которого перо стало способом разобраться с собственной жизнью — от драк во дворах Капотни и Тобольска до службы в Чечне на рубеже 2000–2001 годов. Автор не щадит ни себя, ни читателя: подростковые влюблённости и дружбы сменяются буднями войны — с её бытом, потерями, чёрным юмором и страхом, — а после дембеля героя ждёт не менее жёсткое столкновение с равнодушием государства к тем, кто вернулся оттуда живым или не вернулся вовсе. Проза здесь то и дело прерывается стихами самого автора — как способ сказать то, для чего не хватает обычных слов. Честная, местами беспощадная книга о взрослении, войне и цене, которую платит человек за право остаться собой.

© Тунгулин А. С., 2026

© Автор, 2026

Александр Тунгулин

Проба пера

Проба пера.

*Все сказано. И даже Древний Рим
С пресыщенностью вынужден мириться.
Все было. Только ты неповторим
И потому - не бойся повториться.
Жизнь тратили в волибе и ворожбе,
Срывались в бездны, в дебри залезали...
Пиши, приятель, только о себе.
Все остальное до тебя сказали.
Дмитрий Быков*

*Александр Сергеевич Тунгулин, 1980 г. рождения.
Это рассказ о моей жизни. Иногда к рассказу добавляются мои же стихи.
Вместо предисловия.*

*Я пишу бесконечный роман
Днём и ночью.
В нём есть всё: и любовь, и обман.
Ну и прочее...
Череда дорогого вина
С мутной жижей.
Моя повесть идёт как волна,
Выше, ниже.
Вот с любимой гуляем в полях
И на пляже.
Вот валяюсь в кровавых соплях
В камуфляже.
Вот премьера. Я в смокинг одет,
В ложе место.
Вот с портвейном встречаю рассвет
У подъезда.
Вот Мытищи. Я в пробке застрял
С кислой рожей.
Вот Венеция: шум, карнавал,
Замок Дожей.
Вот на яхте иду по морям
На закате.
Вот на нарах глушу чифиря
В темной хате.
Вот вам виды: Париж, Амстердам,
Рестораны.
Вот гарсон мне несёт не Агдам.
Рядом дамы.
И не то, чтоб хочу хайпануть
На контрасте.*

*В жизни есть и полнейшая муть,
Есть и счастье!*

*Льют песчинки песочных часов
Время. Тонкий течет ручейк.
Я банальность придуманных слов
Лью в банальность написанных строк.*

*И моя уникальная боль
Или счастья отпитый глоток
Упадёт как песочная соль
На печальный немой бугорок.*

*Жаль, что я как-то ярче не смог.
Жизнь течёт, пролетая за миг.
Где-то в вечности прячется Бог.
И вращает часы часовщик....*

Тобольск

В апреле 1997 года я вместе с отцом приехал в сибирский город Тобольск. Мне было 16 лет, и всю свою жизнь до этого я провёл в Москве. В Тобольск я часто приезжал летом — отец родом из этих мест, и город был мне знаком.

Особенно хорошо помню своё первое знакомство с «местными». Лет в девять или десять, приехав на каникулы к бабушке, я познакомился во дворе с ребятами. В компании из примерно пятнадцати человек, возрастом от восьми до двенадцати лет, лидером был — Сарыч, парень с блатными замашками. После стандартных вопросов — кто я и откуда — он узнал, что я из Москвы, и начал меня задевать. Так началась травля новичка.

В основном это были придирки и насмешки, которые быстро мне надоели. Я старался избегать встреч с этой компанией — численный перевес был очевиден, и ребята не стеснялись использовать его.

Живя в московском районе Капотня, к девяти годам я уже имел немалый опыт уличных и школьных драк. В нашем классе почему-то сложилась традиция делиться на две непримиримые группы, которые почти каждый день, около трёх часов дня, устраивали драки «стенка на стенку». Мы дрались палками, бросались камнями. Особенно захватывающим моментом было догонять проигравшую сторону. Не припомню, чтобы нам приходилось «смазываться». Предводителем нашей группы был Саша М., мой одноклассник с явными лидерскими качествами. Противников возглавлял его родной брат Дима М., с которым у Саши дома было перемирие.

Я сделал это небольшое отступление, чтобы пояснить: несмотря на тактические отступления перед той толпой, признавать себя слабаком или трусом я не собирался.

В нашем тобольском дворе был мальчик по имени Дима, по прозвищу Лимонад. Он был местным, и его особенно не трогали, хотя людей его склада в таких компаниях обычно не любили.

Он выделялся какой-то духовной возвышенностью и полным отсутствием стадного инстинкта. Во время одной из попыток избежать встречи с этой стаей, Дима предложил мне спрятаться у него. Возможность заняться осадой показалась скучающей от безделья толпе мальчишек захватывающей. Они расположились у подъезда и стали ждать.

Мы с Димой вышли на балкон третьего этажа и поинтересовались, чего конкретно от меня хотят. Сарыч выразил коллективное желание меня избить. Причины он не нашёл, поэтому никакой аргументации не последовало. Я, в свою очередь, заявил, что намерения быть избитым у меня нет, и поэтому выходить не буду до прихода с работы родителей Димы.

После моего заявления в лагере противника состоялось совещание, на котором было замечено, что моё нежелание быть избитым в принципе понятно и обоснованно, но просто так меня отпустить тоже не представляется возможным — драматургия ситуации требует какой-то интересной развязки. Об этом мне сообщили немедленно.

Я спросил, какие решения они предлагают. После обсуждения мне был предложен честный поединок с одним из них. Я согласился с условием, что после боя меня перестанут доставать. Предложение было принято, и стороны приступили к обсуждению условий. Условий было немного: представитель противной стороны по кличке Обезьяна будет отправлен к нам в квартиру и там, по ожиданиям пославших его, нанесёт мне столь необходимые, по мнению Сарыча, побои.

Мне условия показались приемлемыми — находясь в квартире у Лимонада, Обезьяна не имел поддержки, если что-то пойдёт не по их плану. Нужно понимать, что перспектива закончить это отравляющее мой отдых преследование меня очень радовала. Страх перед поединком я, без ложной скромности, не испытывал. Противники явно меня недооценивали и выставили не сильнейшего бойца.

Обезьяна, войдя в квартиру, сказал, что к бою готов.

После нескольких ударов он прекратил сопротивление и был отправлен назад. Вернувшись к компании, нетерпеливо ожидавшей под балконом, он честно признал себя побеждённым. Это обстоятельство крайне расстроило осаждавших. На мой вопрос с балкона — удовлетворены ли они и можем ли считать наш договор вступившим в силу — состоялся очередной совет. Было решено, что, поскольку они не могли видеть бой, он аннулируется в одностороннем порядке.

Назначили другого бойца и изменили условия. Следующий бой должен был состояться на улице. Гарантией того, что меня не тронут при любом исходе, выступали «честное имя» и зуб Сарыча, которые он публично дал словами: «Зуб даю и б*я буду». Я счёл эти гарантии серьёзными — детвора в Тобольске жила по воровским понятиям, и за нарушение таких слов мальчик мог потерять уважение. К тому же я находился в некотором воодушевлении от одержанной победы. Несмотря на то, что был обманут в первый раз, я понимал: второй обман поддержан не будет. В стане противника уже появились сомневающиеся в справедливости второго боя, особенно после того, как я выполнил все ими же поставленные условия первого. Эти обсуждения были слышны с балкона.

Тем не менее, большинство согласилось на второй бой — главным образом из-за возможности увлекательного шоу в эпоху отсутствия гаджетов и интернета.

Кличка следующего соперника была Федоса. Вид он имел серьёзный: на голову выше меня и старше на год. Турнир назначили на 14:00. На площадке у дома организовали импровизированный ринг с расчерченными на земле границами. Поскольку «товарищеская встреча» должна была состояться через два часа после переговоров (всем надо было сходить домой на обед), информация разлетелась быстро, и зрителей собралось немало.

На этот раз я испытывал волнение перед боем, но всё же драться с одним лучше, чем постоянно бегать от толпы. Соперника я оценивал как равного и свою победу не исключал, несмотря на его комплекцию и рост. Я полагался на свой опыт, наличие которого — по причине моего столичного происхождения — противники не допускали.

И вот, во дворе синей панельной пятиэтажки, рядом с песочницей и маленьким футбольным полем, в присутствии около тридцати зрителей — ребят и девчонок из соседних дворов — началась подготовка к бою. Среди зрителей была и Настя, девочка из соседнего подъезда.

Настя мне очень нравилась. Мы часто гуляли с ней по вечерам, иногда до одиннадцати ночи. Я провожал её до квартиры на третьем этаже.

Ровно в 14:00 начался бой за звание «своего» в среде местной братвы. Это событие я запомнил хорошо — возможно, оно сыграло значительную роль в формировании моего характера. В девять лет драка на импровизированном дворовом ринге с серьёзным соперником при участии такого количества зрителей — само по себе впечатляющее действо. А вишенкой на торте стало то, что среди зрителей была дама моего сердца, которая, как известно из классики, остаётся только с победителем.

Надо сказать, что помимо уличных стычек, мне посчастливилось несколько месяцев заниматься в секции ушу, где нас неплохо тренировали. Хотя в этом возрасте ещё без боёв, зато выносливости и общей спортивной подготовке уделялось большое внимание. Синергия уличных драк (о которых я до сих пор вспоминаю как о совсем не детских — бывало, доходило до вызова скорой помощи) и спортивной закалки подсказала мне тактику. Я начал действовать активно, не давая противнику времени на адаптацию.

Я нанёс несколько ударов и не получил ни одного в ответ. Из толпы кричали, поддерживали — но не меня. Войдя в раж, я почувствовал, что враг «поплыл», и надо дожимать. Первый раунд завершился. Федоса отошёл к своей группе поддержки, которой у меня не было. После коротких переговоров ко мне подошёл Сарыч и сообщил, что Федоса не хочет драться напротив окон своей квартиры. Странно, что он обнаружил это только после первого раунда.

Было решено перенести бой на веранду соседнего детского садика. У меня возражений не было — к тому моменту я уже почти не сомневался в исходе.

По прибытии на новое место выяснилось, что не определено, сколько раундов будет длиться бой. Судей не было, очки никто не считал, а нокаут в таком поединке был маловероятен. Решили считать концом боя либо признание поражения, либо первую кровь.

Начался второй раунд на веранде садика, в окружении постоянно растущего кол-ва зрителей. Он отличался только тем, что был прерван Федосой, который сказал, что драться при таком количестве зрителей он отказывается.

Симпатии уже были не на его стороне. С недовольным видом толпа переместилась на соседнюю от нашей веранду. Остались только Сарыч и мы. Но третий (или прерванный второй) раунд так и не состоялся — соперник просто не явился. В какой-то момент Федоса молча убежал с веранды в сторону леса, и ему было засчитано поражение.

После этого мой авторитет уже не нуждался в том, чтобы Сарыч сдерживал свои обещания не трогать меня. Во дворе ко мне вопросов ни у кого не возникало. Произошёл лишь один забавный случай. Один парень по кличке Посох, из компании, возглавляемой Сарычем, отсутствовал во время турнира. Его не было несколько дней — может, был у бабушки или на даче. Когда он вернулся и увидел меня во дворе, то по старой привычке начал троллить. Но времена уже изменились. Как он потом рассказывал, его очень удивило, когда я подошёл и молча ему навалил. Мы с ним впоследствии стали друзьями.

С Лимонадом же мы стали лучшими друзьями — часто ходили на рыбалку и охотились с капканом на крыс в подвалах и на мусорках. Со временем друзей стало много. К моему приезду весной 1997 года ребят в городе я знал уже хорошо.

Мы стали жить в Тобольске. Отец пытался организовать дело, которым занимался в Москве. Мне он предложил найти какую-нибудь работу. В шестнадцать лет возможность трудоустроиться в Тобольске я нашёл только через молодёжную биржу труда. Нас — бригаду из 5–7 человек в возрасте от 14 до 17 лет — под руководством девушки лет двадцати пяти направляли на разные работы. То на лесопилку, где мы разгружали доски, то на другие, в основном погрузочно-разгрузочные задания.

Поработав таким образом пару месяцев до августа 1997 года и с большим трудом выбив свою небольшую зарплату (в те времена задержки выплат были нормой даже в госучрежде-

ниях), я уволился. Нашёл работу в теплицах, где выращивали огурцы и помидоры. Нас было трое, и мы занимались герметизацией теплиц — промазывали гудроном стыки стекол на крыше и стенах. Работали сдельно, и весь объём выполнили почти за месяц.

Но с получением денег снова возникли сложности. Директор начал «кормить завтраками». Мне, как самому «ушлому» в нашей компании, пришлось его припугнуть — напомнить, что работа на высоте без страховочного оборудования запрещена, а в нашем случае её выполняли ещё и несовершеннолетние.

Это была просто статья. Не уверен, что мои угрозы действительно подействовали на директора. В то время нарушалось всё и везде. Деньги, как я уже говорил, не получали даже мужики с семьями. Скорее, его умилили моя наивная уверенность и бойкость, и не серьёзность суммы. В итоге деньги на всю бригаду были получены.

Постепенно я обрастал связями, и это открывало новые возможности заработка. Следующее место работы уже предполагало полноценную зарплату — я устроился грузчиком-экспедитором в самые тёплые, по тем нестабильным временам, места: хлебопекарню и молочный цех. Работать начал с сентября 1997 года. Это было золотое время моей юности.

У отца начались новые отношения, и он переехал в другую квартиру. Я остался один в двухкомнатной квартире на втором этаже деревянного дома. В доме было печное отопление — в каждой из трёх квартир на этаже стояла печка. Для меня, привыкшего к городским квартирам с центральным отоплением, это была настоящая экзотика.

С большой теплотой вспоминаю вечера на уютной кухне с горящей печкой, пахнущими деревом и снегом берёзовыми дровами, которые я приносил со двора. За окном мороз, а дома — тепло и спокойно. С работы я приносил свежий хлеб, молоко, сметану, масло. При нашем предприятии был продуктовый магазин, где можно было брать любые продукты «под запись». В моём возрасте и при холостой, независимой жизни этого вполне хватало на всё.

Оля.

Моя работа находилась на конечной остановке третьего автобусного маршрута. Но поскольку я сам жил не в центре города, ехать до неё было всего пять остановок. Вставать в шесть утра, идти в мороз на остановку, чтобы поехать на свою первую настоящую работу, живя в 16 лет самостоятельно, мне было удивительно комфортно. Несмотря на кажущуюся непристизность — я развозил хлеб по магазинам в качестве грузчика — в те, как я уже говорил, нестабильные времена, место было хлебным во всех смыслах.

Моя прежняя столичная жизнь с барами, дискотеками и прочими развлечениями уже не казалась мне особенно привлекательной. Особенно после того, как у меня начались отношения с 23-летней Олей. Оля работала технологом в молочном цехе нашей компании. Брюнетка с каре, голубыми глазами, среднего роста. На работе она всегда ходила в белом халате и пахла свежим молоком. Стройная, женственная, с озорным, весёлым характером.

Ещё до начала наших отношений, когда мы оказывались рядом, мне очень хотелось её обнять. Не знаю почему, но сочетание белого халатика, озорных глаз, звонкого смеха и смеси запахов свежей выпечки, молока и женских духов действовало на меня особенным образом.

Приятно вспоминать то беззаботное время с Олей. Несмотря на разницу в возрасте — шесть лет — мы стали встречаться, и уже через месяц она часто оставалась у меня. На работе мы делали вид, что не вместе, но получалось это не очень: нас постоянно замечали целующимися то в подсобке, то на складе. Иногда нам выпадало вместе дежурить в выходные — сторожить цеха. Может, это из-за молодости, но мне казалась романтической сама атмосфера: мы с Олей, пустые тёплые цеха пекарни, залитые дневным солнечным светом из больших окон, за которыми — белое снежное поле. Пекарня находилась на пустыре, на краю города. Было в этом что-то пастернаковское — *свеча горела*.

Мессир.

Этой же зимой со мной произошёл интересный случай. Напомню, что в то время еще не было в Тобольске мобильных телефонов, интернет еще где-то далеко, далеко начал своё победное шествие, но до меня ещё не дошёл. Были 90 ые и мы развлекались как могли. Я записался в одну из местных библиотек, в очередной раз, взяв там книжку, поехал домой. В автобусе со мной произошёл необычный случай, изложу его тут в стихе, который я написал несколько позже по воспоминаниям.

Основано на реальных событиях.

Назад смотрю: года как сутки.

Что пролетело - не вернёшь.

Я нахожусь пока в рассудке.

И память острая как нож.

*В театрах я не паникую
(куда же делись номерки?!),*

Столицу назову любую.

И даже с именем реки.

Я помню сколько доллар стоил

С двухтысячных в любом году.

Вот вас с собою познакомил,

К повествованию перейду.

Был год... Не важно! Эту дату

К такому делу не пришьёшь.

Скажу вот так - давно когда-то.

И всё тут чистая не ложь.

Сибирь, мороз, конец столетья.

Тобольск, красивый городок.

В библиотеке посмотреть я

Взял книгу на короткий срок.

И эта книга не простая.

Меня встревожила она.

Там про изгнание из Рая.

Как был повержен Сатана.

И если ты всему не веришь,

Тогда скорее открывай

Поисковик и там проверишь.

Вводи роман "Потерян ... Рай".

У каждого свои привычки.

Я в транспорте люблю читать.

В автобус сел и по страничке

Листаю, остановок пять.

А за окном снежок кружится.

Автобус теплый и пустой.

Тут дед зашёл, ко мне садится,

Так остановке на шестой.

На пустяки не отвлекаясь

Я мельком посмотрел в окно,

Немного всё же удивляясь:

"Зачем ко мне? Ведь мест полно".

И снова я в дыму баталий,

В атаку ангелов ведут.

Бой, крики, взрывы, лязг от стали...

Вдруг дед: "Неправду пишут тут".

А километров может сорок

Автобус скорости держал.

И дед тот пару остановок

Со мною всё воображал.

Косил открыто глазом в книгу.

И я о нём почти забыл.

И вдруг подкинул он интригу:

"Откуда вы? А я там был..."

Что? Сумасшедший? Нет, не видно.

Не часто встретите таких.

Ухожен, чист, одет солидно,

В перчатках очень дорогих.

И борода седа, опрятна.

Ну, в общем, чуть ли не сиял.

И в целом выглядел приятно.

(Перчатки, кстати, дед не снял).

А в горле вдруг слова застыли

И я, уставясь на него,

Спросил: "Не понял, где Вы были?

И кем, и в качестве кого?"

Автобус вдруг поехал лихо.

Он посмотрел в пролёт окна.

Потом сказал спокойно, тихо:

"А я и есть сам Сатана".

Мурашек не было по коже.

(Хотя у вас, возможно, есть).

И я спросил: "Мессир, а что же

Тогда вы делаете здесь?

При всем огромном уваженье,

Но этот город мелковат

Для Вас, при Вашем положенье.

И не похож совсем на Ад.

В ответ меня он смерил взглядом

И, просканировав до дна,

Сказал: " Тобольск столица Ада!

Но у меня их не одна!"

И как-то стало не до смеха.

Он сыпать формулами стал.

Он говорил, автобус ехал,

Я ничего не понимал...

А там и вы б не улыбнулись!

Закончил, наконец-то, вот

В расположение этих улиц

Мы видим "Мир" наоборот.

Нельзя вот так, без подготовки,

Мозги подростку беречь.

Автобус встал у остановки.

И дед собрался выходить.

" Ну всё! - сказал. Пока! Не кисни!"

И встал, пошёл. Тут встал и я.

Спросил:

- "А в чём же смысл жизни?"

- "Всё, чтоб жила Вселенная!!!"

Прогулки по Москве

Так получилось, что я прожил в Тобольске до лета 1998 года. Странно даже — всего один год, а событий хватило бы на целую повесть. Оля, при всех своих достоинствах, оказалась очень ревнивой, и мы расстались. С работы я уволился в апреле — пытался вместе с отцом развить его бизнес, но попытка оказалась неудачной. Я решил поехать в Москву. Тогда мне казалось, что это временно: погуляю месяц — и вернусь.

С моим другом из Тобольска, Иваном (Посохом), о начале дружбы с которым я уже писал, мы решили ехать вместе. В июне 1998 года мы сели на поезд — два семнадцатилетних парня, отправившиеся в Москву в поисках приключений.

Москва встретила нас в пять утра на Казанском вокзале — шумной компанией моих друзей, которые приехали после бессонной ночи на двух машинах. Несмотря на ранний час, нас сразу повезли в бар, который мой московский друг Валера (Лерыч) якобы открыл вместе с компаньоном на центральной площади в районе Капотни. Лерыч, конечно, мог и приврать — ему было всего 18, и он славился оооочень хорошим воображением. Но факт оставался фактом: мы сидели в шесть утра в закрытом для посторонних баре, и никто из присутствующих легенду о его владении не опровергал.

Немного остановлюсь на Лерыче — персонаж он калорийный. Рост — выше среднего, около 185 см, светло-русые прямые волосы, серые глаза, телосложение рыхловатое, с небольшим животиком. Я тогда был 176 см, с темно-русыми волнистыми волосами, карими глазами и спортивным телосложением.

Познакомились мы через девушек — он был парнем подружки моей девушки. Отношения с девушками как-то прекратились, а с Валерой мы стали друзьями. Два года мы почти не расставались: шатались по Москве, по барам, клубам, квартирам друзей. С ним всегда было интересно — Валера был источником идей и моментальной их реализации. Его воображение и актёрская естественность меня восхищали.

Что было интересного во мне — сказать трудно. Возможно, то, что я умел правильно подыгрывать, понимал Лерыча с полуслова. Большинство его комбинаций нам удавалось доводить до конца. Комбинации были двух типов:

Добыча денег

Знакомства с девочками

Вот пример Валериного метода. Однажды в клубе «Партия» — модном в то время заведении в центре Москвы — он подошёл к барменше. Мне было 15, ему 16, но одеты мы были солидно и выглядели старше. О чём-то с ней поговорил, вернулся ко мне и повёл знакомиться с новой подружкой.

С той девушкой Валера уже договорился провести время после её смены. Пока он вёл меня к ней, я слушал инструктаж:

— Запомни, Саня, мы миллионеры из Техаса. Наши отцы сбежали из России, но вот мы вернулись — немного погулять, так сказать, ностальгия.

Я, стараясь не взорваться от смеха от абсурдности легенды, как мог ему подыгрывал, пока Валера на «серьёзных щах» описывал суровый быт техасских миллионеров.

Место само по себе предполагало возможность появления представителей золотой молодёжи, так что девушка, похоже, не сомневалась в нашей истории и охотно согласилась продолжить вечер с нами. До конца её смены оставалось пару часов, и мы не дождались — уехали гулять дальше.

На вопрос, как мы будем поддерживать легенду, я не переживал. Искренне восхищаясь Валериным умением импровизировать, был уверен — он что-нибудь исполнит в духе предыдущих операций.

Вот, например, однажды нам понравились две симпатичные продавщицы. Валера пригласил их отметить покупку новой машины — покататься и посидеть в ресторане. Естественно, никакой машины он не покупал, а денег на ресторан у нас не было. Девушки согласились, а после работы узнали, что на оформлении машины возникли «задержки», которые надо было «профинансировать». Машина ещё без номеров, покататься пока не получится, а на ресторан уже не хватает. В итоге мы замечательно проводим вечер в подъезде ближайшего дома.

Или вот когда он действительно купил машину — коричневую «шестёрку», старую «Жигули» шестой модели. Мы сначала пытались знакомиться, не выходя из неё, двигаясь параллельно с девушками. Не знаю, как на других машинах, но на шестёрке такой способ не работал.

Тогда я предложил Валере сидеть в машине и ждать сигнала — махну рукой, если всё идёт по плану. Сам подходил к девушкам на остановке (в Москве у метро выбор всегда был приличный), знакомился, и если разговор завязывался, говорил, что мы с приятелем на машине и можем подвезти. Если соглашались — махал рукой, и Валера подъезжал.

Отвезя девушек домой, брали телефоны, и, как правило, без проблем встречались на следующий день или через пару дней. А дальше — Валера говорил, что мы едем к нему на дачу, где «очень хорошо, всё есть». Кроме того, что дачи у нас не было, и везти было абсолютно некуда.

Девушки соглашались, а через несколько минут разыгрывалась сцена: ключей нет, взять их сейчас нельзя. Приходилось думать, куда ехать — уже совместными усилиями, с подключением самих девушек. Не знаю точно, что мешало нам сказать как есть, без выдуманных историй. Подозреваю, что горький опыт довольно быстро научил нас: «как есть» работает редко.

Вот краткая характеристика моего московского друга, от которого я многому научился. Конечно, можно было бы подробнее описать этот персонаж — как он любил завязать конфликт в баре, чтобы потом подраться двое на двое на улице. Пока однажды те самые «двое» не вышли с макаровыми и не приставили их к нашим головам. Это были те самые 90-е.

Но вернусь к лету 1998 года. Мы в баре в шесть утра, на правах гостей хозяев. Я в восторге. Ваня, похоже, думает: «Ну а как иначе — это же Москва». Посидели до десяти, поехали к другому моему другу, проспались. А вечером позвонила Оксана — моя старая знакомая. Не то чтобы отношения, но иногда встречались. Узнала, что я в Москве, и ждёт в гости. Я сказал, что приеду с другом.

Оксане тоже было 17. Симпатичная, стройная, с длинными каштановыми волосами и карими глазами. Характер — удивительно простой и лёгкий, даже для меня. Она ждала нас с подругой — немного полноватой девушкой, которая сразу понравилась Ивану. Родителей дома не было — уехали на дачу, как нам объяснили. И мы несколько дней жили у Оксаны — в квартире на высоком этаже семнадцатизнажки. С балкона открывался красивый вид на широкий проспект.

Я был рад, что всё так удачно складывается: друзья с барами, гостеприимные и ласковые девушки. Ваня же всё принимал как должное — мол, а как иначе, это же Москва. Меня это только веселило. Разочаровывать Ваню не хотелось. Говорить, что нам просто везёт, и что Дед Мороз не существует, а всё это — цепь случайных совпадений, которая может оборваться в любой момент, я не стал.

Нет, я наслаждался моментом. Смотрел на то, как мой друг всё принимает как должное. Наша Тобольская жизнь тоже была не скучной, но Москва сразу втянула нас в водоворот приятных приключений.

Иван всегда был спокойным и рассудительным — и с той же спокойной рассудительностью влезал в любую авантюру. Даже моё предложение поехать вместе в Москву, не зная на сколько, к кому и на что там жить, он принял без колебаний.

Денег, у нас не было уже на второй день. Потом что-то одолжили друзья, как-то, где-то, что-то зарабатывали. Но всё это — от случая к случаю. А в основном — днём московские пляжи, вечером и ночью — прогулки по городу.

Таня

Во время одной из таких прогулок мы оказались уставшими в четыре утра на Казанском вокзале. Решили отдохнуть в зале ожидания, но кресла были неудобные, домой — к кому-нибудь в гости — не хотелось. Я предложил лечь в какую-нибудь электричку, доехать до конечной и выспаться, растянувшись на сиденье в пустом вагоне. А потом — продолжить освоение планеты.

Не знаю, как мне это пришло в голову — раньше я так не делал. Билетов у нас не было, но турникетов в те времена тоже не было. Могли появиться контролёры, но их не оказалось на первой утренней электричке, в которую мы сели, не разбирая конечного пункта. Нам было всё равно.

Проснулись — точнее, нас разбудил какой-то пассажир, сказав, что мы на конечной. Осмотревшись на вокзале, прочитали: «Куровское».

Куровское — пяти тысячный городок в 120 километрах от Москвы по Горьковскому шоссе. Деньги у нас были, и мы, как абсолютно свободные люди, которым некуда торопиться, решили осмотреть достопримечательности.

Погуляв часа три-четыре и поняв, что городок себя исчерпал, уже возвращаясь на вокзал, мы встретили двух девушек, которые шли оттуда. Две принцессы — в чём-то лёгком, летнем — прошли мимо нас, дыша духами и туманами. Мысль, что мы можем просто так, не попы-

тавшись познакомиться с этими феями, уехать, была невыносимой. Мы с Иваном, не сговариваясь, развернулись и пошли за ними.

Метров через пятьдесят увидели, что они присели на скамейку у местного дома культуры на центральной площади. Мы подошли, поздоровались, сказали, что не местные, и спросили — не могут ли они подсказать, где тут находится приличное кафе. И не желают ли составить нам компанию и рассказать о своём замечательном городке?

Девушек звали Таня и Лена, немного поговорив, они согласились составить нам компанию — но позже, у них были какие-то дела. Договорившись на вечер, мы разошлись.

Теперь встал вопрос с ночёвкой. Возвращаться мы передумали, а остановиться было негде. Но, как говорится, нам везло — мы, как теперь говорят, были в потоке. Зайдя на при вокзальный рынок, начали узнавать у продавцов, не знают ли они, кто сдаёт квартиру. Достаточно быстро нашли вариант: двухэтажный дом сталинского типа, одна из трёх комнат сдавалась. В другой жила бабушка — настоящий «божий одуванчик», а третья была просто заперта.

Комната оказалась просторной: диван, кровать, стол, шкаф — и цена, которая для нас была не просто приемлемой, а почти смешной. Так решился вопрос с ночёвкой. По стечению обстоятельств мы прожили там всё лето.

Вечером пошли на встречу с Таней и Леной. У нас с Ваней были противоположные вкусы, и мы никогда не спорили из-за девушек — не сговариваясь, всегда понимали, кто с кем. Ване понравилась Лена — брюнетка с выразительной фигурой. А мне — утончённая Таня, с пронзительным взглядом голубых глаз, светло-русыми волосами и обворожительной улыбкой. Что-то в ней напоминало продавщицу из фильма «Достучаться до небес».

Был не жаркий, но солнечный день июля. И я встретил свою первую любовь. Она была именно такой, какой я её представлял — правда, понял это только когда увидел. Не больше и не меньше.

Позже я написал стих об этой встрече. Его даже напечатали в одной из московских газет — но об этом расскажу чуть позже.

*В этот город не знакомый
Первый раз тогда попал.
Мне июль, лениво-сонный,
Вдруг тебя нарисовал.*

*Из волшебной этой краски
На палитре золотой
Акварели женской ласки,
Чуть разбавлены, мечтой.*

*Он спокойно, терпеливо
Выводил так, не спеша.
Даже кисть была красива.
Полотно? Моя душа.*

*Для тебя её открою,
Изменив судьбы кривую.
И теперь уже не скрою,
Что давно искал такую.*

*И всегда ждал этой встречи,
Быть не понятым рискуя,*

*В тот дождливый летний вечер,
Первый раз тебя целюя.*

С девочками мы стали встречаться. Часто ходили купаться на лесное озеро — оно было всего в паре километров от нашего дома. Они нередко оставались у нас, а вечерами мы прогуливались к роднику, тоже лесному, за чистой и вкусной водой. Эти прогулки по вечернему сосновому лесу стали нашей традицией.

На работу мы с Ваней ездили в Москву, а вечерами возвращались в наш рай в шалаше. В Москве я иногда развозил фото из типографии по фото-салонам, были и другие подработки. Денег было очень мало, но на комнату и еду хватало. Девушки тоже были непритворными. И то, что у нас в 17 лет было своё жильё — пусть и скромное, но без зависимости от родителей — выгодно отличало нас от сверстников.

Да и времена были, как я уже не раз говорил, «переходно-периодовые». Не избалованными были все. И чувства — взаимными.

В сентябре Ваня вернулся в Тобольск, а я остался с Таней в Куровском. Мы работали в Москве. Я нашёл работу по открытию новых торговых точек по продаже духов на разлив — был тогда такой бизнес. Таня работала продавщицей этих духов.

Мама помогла с ещё одним заработком — попросила своего знакомого, который занимался импортом кожгалантереи и серебряных украшений, давать мне продукцию под реализацию. Я, в свою очередь, тоже отдавал её под реализацию в магазины. Особенно хорошо всё продавалось на московских вокзалах.

Подробнее нашу жизнь с Таней описывать не стану — она, наверное, похожа на жизнь всех счастливых молодых пар. Прогулки по паркам, признания, написанные на пляжном песке, страсть, которая не покидала нас ни днём, ни ночью. О том, что это и есть счастье, я догадался намного позже. Тогда мне казалось, что так будет всегда.

До ноября мы жили в той же комнате, потом решили, что не стоит переплачивать, и переехали к Таниной маме. Нам предоставили отдельную комнату в трёхкомнатной квартире старой пятиэтажки на пятом этаже. Но через полгода мы снова переехали — в однокомнатную квартиру, которую решили арендовать. Совместное проживание с родителями, как известно, имеет свои бытовые и психологические неудобства.

Проводы

В декабре 1998 года мне исполнилось 18 лет, и встал вопрос — служить или не служить. У мамы были некоторые влиятельные связи, и я, в принципе, мог бы избежать армии. Но я решил, что пойду. Оглядываясь назад, могу сказать: это решение сильно повлияло на мою жизнь. Не уверен, что в лучшую сторону.

Таня, конечно, отговаривала. Но я чувствовал: если не пойду — перестану себя уважать.

В армию я ушёл 14 мая 1999 года из подмосковных Химок. Меня провожали мама и отец, который к тому времени переехал из Тобольска в Москву с новой семьёй. С Таней мы накануне поссорились — в последние недели перед армией это случалось часто. Я не был уверен, что мы ещё вместе. Чувства к ней были сильные, но моя гордыня часто брала верх. Я упрямылся больше, чем следовало. Таня была мудрее — почти всегда мирилась первой. Моё эгоистичное решение её обидело, и среди провожающих её не оказалось.

Ранним утром, в тёплый майский день, полупьяных парней (я был трезвым, проводов не делал) — посадили в автобус. Началась служба.

На сборном пункте в подмосковном городе Железнодорожном я провёл пару дней. Ничего особенно интересного. Помню, как один парень сильно расстроился — его отправили домой, мол, ниже нормы роста. Запомнилось и то, как зал с тридцатью кроватями вдруг замирал, когда заходил кто-то в военно-морской форме. Все старались стать незаметными — на

флоте служили три года, и желающих не было. Офицер отбирал нужное количество и уводил с собой парней, которые сразу грустнели.

Через два дня я услышал свою фамилию — значит, за мной приехали. Подошёл к выходу, увидел бравого, мускулистого сержанта в форме ВДВ. Рядом — несколько призывников. В моём личном деле, как я успел заметить на медосмотре, было написано: «Годе́н в ВДВ». Логично решил — это моя команда.

Пристроился к ним, спросил: «Куда мы?» — В Тулу, служить в ДШБ — десантно-штурмовой батальон.

Пока ждали офицера, сержант дал команду приседать — чтобы время даром не теряли. И тут мимо нас пробежал невысокий прапорщик, выкрикивая мою фамилию. Вид у него был, в отличие от молодцеватого сержанта, невыразительный. Я признался, что он ищет меня, и напрягся, когда он приказал следовать за ним.

Пошёл, надеясь, что это формальность, и скоро вернусь — к своим, с которыми за несколько минут уже почти породнился. Боевое братство, как известно, навсегда.

Но меня и ещё двоих ребят забрал этот старший прапорщик М. из неопределённого вида войск. Мы сели в УАЗ и поехали. На наши вопросы он весело отвечал: — Попали вы в ЖДВ — железнодорожные войска. Шпалы тоже кому-то класть надо.

Это нас сильно печалило. За нас вроде бы должны были договориться — за каждого в отдельности. Но стопроцентной уверенности, что всё получилось, ни у кого не было.

Как выяснилось позже, прапорщик оказался комендантом райского местечка — санатория для высшего командного состава «Архангельское», расположенного всего в семи километрах от Москвы по Ильинскому шоссе, рядом с одноимённым посёлком. Прапорщик оказался жизнелюбом и юмористом. Все договорённости наших родителей оказались в силе, и мы — я, Саша Т. и Паша В. — прибыли в подмосковные «Елисеевские поля».

Санаторий находился рядом с музеем «Усадьба Юсупова», собственно — на её территории. Сам дворец Юсупова стоял на холме: красивое, высокое, жёлтое здание с белыми колоннами.

Перед дворцом — большое ровное поле с аккуратно подстриженным газоном и арочными тенистыми аллеями по краям. На противоположной стороне поля — два четырёхэтажных корпуса санатория, построенные в 1936 году, выдержанные в монументальном стиле сталинского ренессанса, тоже окрашенные в жёлто-белые цвета.

Между ними — мощёная фигурной плиткой балюстрада с смотровой площадкой, огороженная белыми колоннами. Вид с неё — потрясающий: сразу под ногами — длинная лест-

ница, ведущая к Москва-реке, текущей в сторону столицы и потому чистой, с кувшинками по берегам. За рекой — поля и леса.

Наша часть состояла из тридцати человек. Мы были взводом обеспечения и обслуживали санаторий: склады, прачечные, кухни, КПП и, конечно, уборку территории — мусор, листья, снег.

Попав в казарму, я заметил телефон в кабинете комвзвода. Старослужащие сказали, что если не наглеть — можно позвонить. Я позвонил маме, сообщил адрес места службы.

Около месяца нас комплектовали для отправки в учебку, где предстояло пройти курс молодого бойца — КМБ — и принять присягу. Всё это время нами занимался Дима Ч., уже год отслуживший и назначенный старшим над пополнением. Дима был из Ставрополя, и вполне соответствовал своей должности: бегал с нами кроссы, занимался физической подготовкой, пока мы ждали прибытия остальных призывников.

Госпиталь

Во время очередного занятия, проходившего за казармой, окна из комнаты отдыха — «Ленинской», название которой сохранилось с советских времён — позволяли дембелям наблюдать за нашими успехами. Один из них, с кличкой «Шар», увидел меня прогуливающимся спокойным шагом. Мы бегали по очереди, и в тот момент была моя очередь отдыхать.

Шар вспылал праведным гневом. По возвращении группы с зарядки он встретил нас на крыльце и приказал мне вернуться и продолжить бегать — пока он не скажет «стоп». Я возразил: командовать мной его никто не назначал, а от своего командира я такого приказа не получал. Тем более, командир знал, что я не «забил» на занятия и действовал по его команде. Дима Ч. мои слова подтвердил. Но Шару это уже было неинтересно — он пошёл на принцип.

Шар был детиной под два метра ростом, крепкого телосложения. Но к моменту прихода в армию мой характер уже был сформирован. Драться мне приходилось часто — и на дискотеках, и на так называемых «стрелках». Проигрывал редко, отступать не привык. Про дедовщину мы слышали все, и линию поведения я выбрал заранее — ещё на гражданке.

Шар стоял на крыльце. Поняв, что я не подчиняюсь, попытался ударить меня ногой. Я рефлексивно схватил его ногу и дёрнул на себя. Шар упал, сильно ударившись спиной о ребро крыльца. Простонав, он поднялся и, неожиданно для меня, нанёс удар в нос. Я думал, что он себе что-то сломал — падение было сильным, и на продолжение не рассчитывал. Пошла кровь. Нас разняли.

Я пошёл умываться в казарму — но не бегать. Нос оказался сломан, и меня отправили в госпиталь на две недели. Там мне вправили нос, но сказали, чтобы я через шесть месяцев вернулся — для проверки и возможной корректировки последствий операции.

Лежал я в двухместной палате, рядом — дембель, судя по рассказам. Он жаловался, что «дух» нынче пошёл борзый, и что в его время такого не было. Я, на тот момент ещё даже не принявший присягу, по армейской неуставной иерархии был «запахом». Слушал его рассказы и мотал на ус. Афишировать свой срок службы не стал, а напрямую он не интересовался — сразу признав во мне бывшего служаку.

Только недели через две, за пару дней до выписки, я случайно проболтался — спросил что-то насчёт присяги. Дембель сразу погрузился и стал молчалив.

Учебка

Лучшее средство от любви — бег в противогазе. (армейская мудрость)

После лечения я сразу попал в учебку — учебную часть, где уже находился мой призыв. Группа была укомплектована. Кормили плохо, но физподготовкой занимались много. Иногда нас отправляли на работы — строить дачи офицерам.

Сделаю небольшое отступление.

Я не знаю, как было в советское время, но во время моей службы офицеры не стеснялись использовать солдат — пришедших служить родине — в личных целях. Это было нормой. От прапорщика до генерала.

За время службы я видел, как солдаты строили дачи, пахали огороды, делали ремонты квартир, машин, и выполняли другие работы, никак не связанные с несением службы. Вспомнил, как в одной книге читал: солдат, находящийся под арестом на губе, отправляли чистить сортир на даче генерала. Там описывался советский период. Значит, так было всегда.

Про царскую армию у меня сомнений нет: если в советской и постсоветской не допускалось рукоприкладство, то в царской — это было в порядке вещей. А уж об использовании солдат и говорить нечего.

Но у меня, что называется, пробел в образовании. Или в воспитании слабина. Я не могу понять, почему такое положение вещей повсеместно считается нормой?

То есть, я — как сознательный человек, любящий свою страну — пошёл прислуживать офицерам? Или родину защищать?

А если наоборот — не сознательный, но не сумевший откосить — был пойман и отправлен копать огород товарищу прапорщику? Так может, и правильно, что не хотел идти чернорабочим за бесплатно к какому-то ленивому «сапогу», открыто злоупотребляющему своим служебным положением?

Понятно, что, находясь на службе, солдату очень проблематично отказаться от заманчивого предложения поехать на выгрузку навоза к теще лейтенанта. Потому что расстроенный лейтенант, прапорщик, полковник, майор и так далее — имеют массу способов выразить своё разочарование в эгоистичном нежелании солдата поучаствовать в благородном деле помощи «отцу-командиру».

Самое простое — лишение увольнительных, наряды на самые тяжёлые работы, караулы и так далее.

Это противоречивое — для меня — положение вещей сильно колебало мою непоколебимость в отношении правильности моего выбора относительно службы.

Вернёмся. Учебная часть находилась в подмосковном городе Красногорске, род войск — РВСН (ракетные войска стратегического назначения). Именно эти войска занимаются запуском ракет с ядерными боеголовками. Один раз, за какие-то заслуги (уже не вспомню), в то время, когда я был в наряде по кухне, меня закрыли на целый час в комнате без окон и дверей и доверили открывать тушёнку для обеда всей части. Может, банок 50–100. Это считалось большой удачей — все понимали, что голодный солдат будет есть сколько сможет, и это не запрещалось. Голодными мы были, кормили, как я уже сказал, плохо (и это в подмосковной учебке, элитной, судя по названию войск). В основном в рационе я помню сушёный горох с тушёнкой, который после приготовления превращался в неприглядную коричневую жижу. Или каким-то чудом прессованную в брикеты сушёную перловку с той же тушёнкой. С тушёнкой, конечно, звучит уже не так плохо, но порции были небольшими, и в процентном соотношении горох тушёнкой только пах.

Один раз, перед присягой, мы ездили на стрельбище, где выстрелили по три патрона. По утрам бегали по три километра, сержанты уставали и меняли друг друга, так как бегали мы по кругу. Интересно, что перед каждой зарядкой перед строем спрашивали, кому нужно в санчасть. Кто заявлял о своём желании (как правило, человек 5–8 ежедневно из 100), спокойно отправлялись к врачу, пропускали зарядку и не имели никаких последствий. Я немного гордился тем, что ни разу не откосил.

Также в учебке мы были свидетелями традиции, которая называлась «день духа». В этот день старослужащие «деды» менялись местами на один день с недавно призванными (до полугода) «духами». Выглядело это забавно: деды прятались по всей части, но если их находили «молодые», заставляли делать уборку, искать сигареты, пробивали фанеру (удар в грудь) или давали лося (удар в лоб через подставленные ладони) — в общем, всё то, что в обычное время делают деды с молодыми. Я видел, как один дед начал возмущаться и не соглашался принимать такие правила. Его убедили свои, «мягко надавив на психику».

Наверное, не все знают традиционную иерархию неуставных отношений во время двухлетнего срока службы. Приведу краткое описание, как это было в частях, где я служил (некоторые моменты могут отличаться в зависимости от рода войск, места и времени службы — то есть, в каком году служили):

Запах — не принявший присягу солдат, срок службы, как правило, не больше двух месяцев. Он, как правило, не особенно страдает от тягот и лишений неуставных отношений, так как при побеге из части не подлежит уголовной ответственности как не принявший присягу. Его стараются не трогать, если только непосредственные командиры, как правило, в рамках устава.

Дух — после присяги до 6 месяцев службы. Тут начинаются все «прелести», заключающиеся в попытках старослужащих нащупать предел прочности солдата.

Слон — от 6 месяцев до года службы. Это такой же дух, немного более опытный.

Череп / Черпак — от года до 1,5 лет службы. Уже заслуженный солдат, который уважает деда, но непосредственно не подчиняется. Скорее, при получении каких-то пожеланий в уважительном тоне от старшего призыва, переподчинит их слону или духу. Но, как правило, уже неприкасаемый.

Дед — от 1,5 лет до ухода предыдущего призыва. Командует всеми, не подчиняется никому

Дембель — месяц-два до демобилизации. Человек практически уже гражданский, в дела старается не вмешиваться, офицеры тоже, как правило, не трогают.

Повторюсь, что это было в тех частях, где я был, и всё ещё зависит от человека. Бывали и ушлые дембеля, которым хотелось гонять духов или даже дедов, бывали и духи, которых не погоняешь. Большое значение имеют индивидуальные качества — умение постоять за себя,

подмазаться, ну и так далее. Об этих отношениях написано немало книг, подробнее писать не буду.

Служба

С Таней мы помирились, она уже приезжала ко мне в госпиталь и собиралась приехать на присягу. На присягу она приехала, как и мои родители, и мой друг детства — Слава У. Во время парадного прохода после присяги случилась досадная накладка. До присяги мы два месяца ежедневно маршировали, все движения были отточены, команды выполнялись чётко, и выглядело всё торжественно и красиво. Но после присяги, во время марша, включили музыку — команд было не слышно (всё время тренировались без музыки). В общем, получилась свалка, и командир части стоял красный, закрыв лицо руками. Вот такие недочёты на ровном месте. Нам было жаль, что так получилось — хотелось пройти как на репетициях, это было внушительно и по-военному.

За нами приехал наш взводный, поставил меня старшим и приказал вести строй из восьми человек на выход из части. Я — при родителях, девушке и друге — принял командование. И, как говорится: «Становись! Равняйся! Смирно! Левое плечо вперёд! Шагом марш!» — и повёл свой маленький отряд к выходу.

После прибытия в Архангельское нас отпустили на сутки в увольнение. Мы с Таней гуляли по территории санатория, потом ночевали вместе. А на следующий день я вернулся, чтобы продолжить службу.

В армии я начал писать стихи — может, хотелось заполнить появившуюся пустоту и отвлечься от тоски. Служба моя не может идти ни в какое сравнение с обычными частями. Деды меня не трогали. Когда мы вернулись из учебки, Шар уже ушёл на дембель. Меня часто ставили в наряд по КПП, где нужно было выполнять несложные обязанности помощника дежурного по части. Я сидел в кабинете, отведённом дежурному, и писал стихи.

Мне, в каком-то смысле, повезло с конфликтом с Шаром — комвзвода решил по возможности убрать меня из казармы, чтобы избежать проблем, связанных с неудовлетворением старослужащих моим бунтом против вековых традиций. Думаю, он решил, что я смогу быть полезен в качестве «стукача» на будущее. Комвзвода, прапорщик Г., похоже, сделал вывод, что я Шара сдал, и в дальнейшем у него есть на меня рычаги давления — в случае, так сказать, отказа от сотrudничества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.